

РЕЦЕНЗИИ

***Галицко-Волынское княжество
в свете современных археологических исследований:
Терський Святослав. Археологія доби Галицько-Волинської
держави. Киев: Стародавній світ, 2014. 172 с.***

Скупые известия письменных источников о разных сторонах социально-экономической и культурной жизни населения Галицко-Волынского государства, как известно, в состоянии компенсировать данные археологии.

Археологические исследования территории, входящей в состав этого государства, вначале спонтанные и эпизодические, а затем – в рамках работы целого ряда научных институций, имея конкретные программы, ведутся с XVIII века. На современном этапе археологическое исследование городов и сел этого региона обрели уже интернациональный характер, прежде всего за счет работ польских и польско-украинских экспедиций. Огромный фактический материал о формировании археологической науки, ориентированной на изучение материальной культуры общества периода существования Галицко-Волынского государства, имеющийся на данный момент, побуждает к созданию ее целостной научной картины генезиса и развития. Именно такое нелегкое задание и решил осуществить автор данного труда. «Все новые и новые открытия делают актуальным обобщение данных многочисленных археологических экспедиций» – резюмирует С. Терский (Терский 2014: 7).

Труд состоит из вступления, четырех разделов, послесловия и приложений. Первый раздел посвящен истории изучения археологических памятников галицко-волыньских земель, а также анализу формирования коллекционных собраний известных исследователей этого периода истории Украины. Во

втором разделе внимание сосредоточено на характеристике главных типов археологических памятников: неукрепленных поселений, городищ, некрополей, городов. Третий раздел охватывает вопросы формирования территории и городов Галицко-Волынского государства, проблемы исторической топографии и особенностей строительного искусства. В последнем, четвертом разделе освещены достижения археологов, открывших новые страницы истории социально-экономического развития населения Галицко-Волынского государства. Каждый раздел богато иллюстрирован качественными черно-белыми и цветными иллюстрациями.

Мы считаем, что данное исследование своей структурой выходит за рамки цели, которую поставил себе автор: «обозрение археологических памятников западного региона средневековой Украины, которые отражают процесс зарождения и развития Галицкого и Волынского княжеств» (Терський 2014: 7). В действительности же автор освещает функционирование разных сторон жизни общества и государственности в Галицком и Волынском княжествах на основании археологических источников. Поэтому, по нашему субъективному мнению, труду можно было присвоить следующее название: «Общество, государство и культура в галицко-волыньских землях: археологический аспект научных исследований».

Исследователь во вступлении аргументировано акцентирует внимание на тесной связи процесса институализации Галицко-Волынского государства с историей создания славянского этнического и культурного массива и существованием протогосударственных образований белых хорватов и волынян (Терський 2014: 6). На этот процесс существенно влиял также фактор наличия черноморско-балтийского пути, неотъемлемыми составными частями которого были бассейны Днестра и Западного Буга.

В первом разделе «История исследования археологических памятников галицко-волыньских земель» представлено краткое обозрение изучения артефактов эпохи Галицко-Волынского государства и предшествующего ему периода существования отдельных княжеств и земель, очерчены глав-

ные достижения и потери, определены те преграды, что объективно мешали полноценному изучению памятников. Дается характеристика наиболее существенных результатов работы украинских, российских, польских археологов и музееведов за период XIX – начала XXI вв. на территории Галицкого и Волынского княжеств, соседствующих с ними и исторически взаимосвязанных Болоховской земли, низовьев Днестра и Буковины.

Органически продолжает анализ истории археологических исследований следующий раздел «Основные типы недвижимых археологических памятников: неукрепленные поселения, городища, кладбища, города». Подчеркивается связь определенных типов памятников с теми или другими социальными группами населения (Терський 2014: 15). Значительное внимание уделено укрепленным поселениям и оборонным объектам (городищам-убежищам, городищам-сторожевым заставам), значение которых существенно возросло в XII–XIII вв. Автор делает удачную попытку интерпретировать функциональное назначение тех или иных объектов на укрепленных поселениях славянского и древнерусского периодов (IX–XII вв.), установить их статус в системе укреплений Киевского государства. Например, городище Ступница возле Дрогобыча исследователь определяет, как один из очагов великокняжеской власти в Прикарпатье (Терський 2014: 18). Такие пункты позволяли более целостно контролировать конкретные территории и пути княжеской властью, вместо того чтобы ее ограничивать большими центрами, что делало бы влияние номинальным.

Заслуживает внимания и вывод автора о специфике генезиса городищ на Прикарпатье и Волыни. Так, в Прикарпатье они возникали на предыдущей общественно-племенной основе, а на Волыни была огромной роль государства в их создании или переустройстве из бывших племенных центров (Терський 2014: 19). Городища волынского типа согласовываются с планомерным созданием княжеской властью системы административных центров на «главном транзитном пути в процессе внутреннего освоения Волынской земли великокняже-

ской властью». Время их постройки ограничивается XI веком – периодом активного влияния киевскими князьями на события в междуречье Горыни и Вислы, что иллюстрируют летописные известия (Терський 2014:19-20). Свои особенности имеют объекты на пути Кременец-Белгород, свидетельствуя о наличии оборонительных структур в городах, размещенных вдоль него (Терський 2014: 20). А небольшие городища интерпретируются как боярские и княжеские усадьбы – очаги землевладения и административно-судебного контроля над местным сельским населением (Терський 2014: 20).

Достоинны внимания и предложенные в работе дискуссионные оценки относительно религиозной жизни населения. Мы считаем, что переход на Волини от кремаций к захоронениям в подкурганных ямах не надо связывать, как делает это автор (Терський 2014: 22) лишь с действием внешнего фактора (миграцией христиан из Великой Моравии или распространением христианства в X в.). Более вероятно, что это свидетельство усложнения и возрастания уровня верований и культов местных жителей в IX-X вв., на которые мог и наложиться внешний фактор, отвечающий уже их представлениям и духовным запросам. Оно может быть и свидетельством наличия у жителей так называемого двоеверия (когда сосуществовали дохристианские и христианские традиции). На это убедительно указывают материалы из дружинных курганов Плеснеска, находящегося на порубежье Волини и Прикарпатья, приведенные автором работы (Терський 2014: 23-24, рис. 11-12). К тому же интерпретация открытых фигур в виде креста не обязательно есть свидетельством присутствия христиан. В скандинавских (в Плеснеске обнаружены захоронения их представителей), балтийских и других племен они использовались нередко как солярный знак и были составной их дохристианских представлений и этнических особенностей. Само христианство на Волини (особенно в сельской местности) пустило более глубокие корни (на уровне религиозной психологии) не ранее конца XI – начала XII вв. Но даже и тогда сохранялось сочетание языческих и христианских символов в культуре жителей. На это, например, указывает находка греб-

ня из детинца Пересопницы (Терський 2014: 128). Население районов, к которым доступ был усложнен природными факторами (реками, озерами, болотами, большими массивами лесов) было более консервативным в своих обрядах. Об этом и свидетельствует приведенный факт сохранения традиции насыпания курганов на Полесье до XIII в. (Терський 2014: 22). Как верно указывает автор, погребальные памятники, характер их оформления является надежным свидетельством миграции отдельных групп населения (из Прикарпатья на Волынь и в обратном направлении), а также извне – например, из Балкан (см.: Терський 2014: 22).

Исследователь акцентирует на необходимости придания большего внимания таким памятникам «как следы древних дорог, речных переправ, рудников и т.п.», но это требует серьезного технического оснащения археологических экспедиций и указывает на то, что дедовскими методами в современной науке серьезных новых результатов не получить. Это касается как тех артефактов, что уже были открыты, так и пока еще неизвестны ученым. Современная археология – это хорошо методологически и технически оснащенная сфера научных знаний о прошлом человечества, конкретных стран и регионов.

Значение археологических источников в процессе исследования раннесредневековых государств и городов убедительно демонстрирует материал третьего раздела. Они служат надежным ориентиром при установлении, например, торгово-стратегических путей, которые определяются как «структурообразующая ось микрорегионов» в Галицкой и Волынской Руси (Терський 2014: 28). Наблюдения автора и других исследователей прошлого и современности указывают на наличие в галицко-волынских землях разветвленной сети сухопутных и водных путей важных локально и стратегически, вдоль которых имело место освоение (хозяйственное, социальное и политико-административное) территорий. В работе сделан вывод, что основными факторами образования городов в Галицкой и Волынской Руси были их географическое и геополитическое расположение, при этом города образовывались на

стыке природных зон и границах государственно-политических образований (Терський 2014: 29-30).

Интересной представляется гипотеза о характере служебных поселений, располагающихся в окрестностях княжеских дворов и больших городов, не только как обеспечивающих их нужды, но и ориентированных на рынок, что можно считать дополнительным свидетельством появления зачатков товарного хозяйства (Терський 2014: 30). Города, которые не имели стабильной социально-экономической конъюнктуры, например, созданные вследствие вынужденной миграции населения в середине – второй половине XIII ст., за короткий период времени деградировали и теряли свое значение (Терський 2014: 30-31). Обзорные главные достижения археологической науки за последние два столетия при изучении городов галицко-волынских земель, а также территорий, исторически связанными с ними, дает возможность познакомиться с современным состоянием их научного изучения (Терський 2014: 32-104). Оно дополнено интересными фотографиями находок, схемами и планами реконструкций отдельных сооружений, а также данными топографии важных центров Галицкой и Волынской Руси. В то же время материал, опубликованный в этом разделе, указывает на значительный личный вклад автора труда в изучение поселений, прежде всего городов Галицкой и Волынской земель на протяжении 80-х гг. XX – первых десятилетий XXI вв.

Строительному и архитектурному наследию жителей галицко-волынских земель посвящен отдельный параграф третьего раздела. В частности, внимание обращает опубликованный материал об открытии археологами неизвестных ранее науке типов гражданских сооружений – например, так называемая «хата в хате» (исследованы памятники в Владимире, Луческе, Галиче), под которым подразумевают дворец поверх хозяйственной клетки с галереей вокруг (Терський 2014: 105-106).

Именно археологические исследования позволили установить хронологию каменного храмового строительства в рассматриваемых в труде регионах. Первые каменные сооруже-

ния этого типа появились в XI – в начале XII вв. в Перемышле, Звенигороде, а во второй половине XII вв. – в других крупных центрах. Это одновременно является и свидетельством крупных успехов в распространении христианства в регионе. Не менее значимой является роль археологии в открытии деревянных храмовых сооружений в ряде городов и поселений (Галич, Олешки, Звенигород, Пересопница, Луческ) (Терський 2014: 109-111).

Археологическое изучение каменных культовых и гражданских сооружений указывает на наличие тесных культурных связей Галицкой и Волынской Руси как с другими землями Киевского государства, так и странами Центральной Европы, Балканского полуострова, Византией, фиксирует факты проникновения артелей строителей и отдельных мастеров из этих регионов в галицко-волынские земли. Находки ротонд XII-XIII вв. служат убедительным свидетельством распространения здесь строительной и архитектурной практики стран Центральной Европы. Их появление согласовывается с данными письменных и археологических источников о тесных политических, социально-экономических и культурных связях галицко-волынских земель со странами Европы, а также о процессе переселения оттуда отдельных групп населения в XII-XIV вв.

Автор делает заключение об органической связи центров Волынского княжества с предыдущей их племенной поселенческой структурой и преимущественно мирном процессе освоения великокняжеской властью в Киеве его территории. Экономическое развитие городов зависело, по убеждению исследователя, от их политико-административного статуса и географического расположения. По характеру застройки в городах археологи могут получать много интересной информации о социальной структуре населения и уровне их социально-экономического развития в тот или иной отрезок времени (Терський 2014: 112, 114).

Убедительно демонстрирует преимущества археологических знаний в процессе реконструкции истории социально-экономической и культурной жизни населения галицко-

волинских земель четвертый раздел труда. Автор аргументировано показывает тесную связь городов и сельской округи. Крупные городские очаги возникали именно в тех районах, где существовали наиболее благоприятные условия для развития сельского хозяйства, в том числе, земледелия (Терский 2014: 116). Ведь значительная часть их жителей занята была разными видами сельского хозяйства (земледелие, животноводство, птицеводство), о чем свидетельствуют археологические материалы с раскопок детинцев, окольных городов, посадов. Исходя из соотношения находок, наиболее распространенным орудием для обработки почвы, которое ее лишь разрыхляло, но не перекидывало, была соха (Терский 2014: 117). Основываясь на достижениях современной агрономической науки, можно утверждать, что такая технология не приносила существенного ущерба почвам, ибо сохраняла их природную структуру. Напротив, использование плугов, особенно тяжелых, является существенным фактором разрушения структуры почвы, вследствие чего уменьшается ее производительность. К тому же эффективность использования того или иного орудия для обработки почвы в значительной мере зависит от ее типа, преобладающего в определенном регионе.

Автор обосновал фактор размещения больших поселений в поймах рек развитием в них животноводства как важного компонента хозяйства жителей городов и прилегающих к ним территорий сельской округи (Терский 2014: 118). Археологические исследования позволили проследить динамику развития некоторых промыслов (охота, рыболовство), демонстрируя постепенное уменьшение их значимости в структуре хозяйствования населения, прежде всего в XII-XIII вв. (Терский 2014: 119).

Приведенные в работе комплексы находок свидетельствуют о значительном прогрессе разных ремесел (деревообрабатывающего, гончарного, керамического, железообрабатывающего, кузнечного, строительного, ткацкого, кожевенного, сапожного, ювелирного, литейного, стеклоделательного и т. д.). Они же позволяют проследить изменения в техническом и технологическом оснащении большинства из них на

протяжении IX-XV вв., главные направления профессионализации и постепенного отделения ряда из них (например, гончарного, ювелирного кожевенного дела, стеклоделия) от сельскохозяйственной сферы занятий, а также изменения в ассортименте продукции, изготавливаемой ими. Исследователь небезосновательно связывает изменения в развитии ремесел с изменениями в социально-экономических условиях жизни и уровне материальной и духовной культуры населения (Терський 2014: 123), миграционными процессами и колонизацией территорий, внешними культурными влияниями. Это, кстати, убедительно показано на примере гончарства и керамического ремесла Прикарпатья, и Волыни.

Исследователь, анализируя разные ремесла, выделяет железообрабатывающее и кузнечное как наиболее важные в период XI-XIII вв. (Терський 2014: 126). Ведь именно ремесленники этих профессий изготавливали все основные орудия труда и предметы вооружения. Археологические поиски позволили установить, что железо выплавляли из сырья, как в специальных сыродутных горнах, так и в обычных глиняных горшках (Терський 2014: 126).

Отдельно остановимся на проблеме открытых археологами ремесленных изделий, которые принято относить к импортам. Исследования последних десятилетий свидетельствуют, что в землях Киевской Руси мастера умело имитировали изделия из Византии и стран Европы. Это относится, прежде всего, к изделиям из цветных металлов, стекла, кости. Так, что изделия, традиционно относимые к привозным, найденные в Плеснеске (костяная пластинка с изображением воина на оборонительной стене), массивные бронзовые хоросы (паникадила) из Пересопницы могли быть изготовлены местными или приезжими мастерами. Убедительным свидетельством тому является и уведомление летописи о деятельности местных и приезжих ювелиров, и литейщиков в Любомле и Холме во времена Данила Галицкого, о которых упоминает и автор этого труда (Терський 2014: 134).

Интересно наблюдение исследователя относительно эволюции изготовления изделий из стекла. Так, во второй поло-

вине XIII-XIV вв. существенно возросло местное производство значительного ассортимента стеклянных изделий, которые не требовали знаний сложных технологий (кольца, браслеты, височные кольца, ожерелья). А изделия из стекла, требующие овладения сложными технологиями и специальных знаний, в основном привозились из городов Золотой Орды и Сирии, где существовали мастерские по их изготовлению. Богатый археологический материал позволяет убедительно утверждать о прочных торговых связях галицко-волынских земель как с другими землями Киевской Руси и удельными княжествами, так и со странами Востока и Европы (Терський 2014: 136-141). В нем представлены вещи, находящиеся как в широком обращении, так и имеющие статус предметов роскоши (золототканая и шелковая одежда, изделия из золота и эмалей, стеклянная и керамическая посуда из Золотой Орды, Средней Азии, Персии, Китая, Византии). Не случайно в XIV в. за такими городами как Владимир, Луческ, Львов было подтверждено польскими королями и литовскими князьями право склада восточных товаров. О развитии торговли свидетельствуют также находки иноземных монет (отдельно и в кладах), весов, свинцовых гирь, весовых гривен.

В работе отдельный параграф посвящен анализу археологических источников, помогающих исследовать материальную и духовную культуру жителей Галицкой и Волынской Руси, их культурные связи с другими землями и странами (Терський 2014: 141-151). В этом отношении интересными являются мысли автора об эволюции религиозных представлений жителей галицко-волынских земель (Терський 2014: 141-144), прошедших путь от примитивных форм язычества к более сложным формам религиозной жизни (язычества IX-XI вв., двоеверия XI – начала XIII вв., и собственно христианства – с середины XIII вв.). Это позволяет опровергнуть представление о быстром утверждении христианства после религиозных реформ Владимира Великого в землях Киевской Руси. На самом же деле это был процесс сложный, противоречивый, неравномерный для разных регионов, где сочетались как мирные, так и насильственные пути утверждения христианства со

стороны светской и церковной власти, где имело место сопротивление населения против этих мероприятий (физическое и идейное), отдельные отголоски о котором встречаем в летописях, как правило, благосклонных к власти имущим.

Археология дала возможность утверждать о довольно высоком уровне письменности, образования, медицины, музыкальной культуры жителей галицко-волинских земель, о чем также идет речь в рассматриваемом труде. Особенно это важно для XIII-XIV вв., ибо опровергает утверждения прошлого и современности о культурном упадке и запустении украинских земель после монгольского нашествия середины XIII вв.

Исследователь обращает внимание и на такой фактор в материальной и духовной культуре, как мода, имеющая место и в те отдаленные времена, и касавшаяся не только украшений или одежды, но и посуды, украшения жилья и т.п. (Терський 2014: 148-149). Поэтому мы согласны с определением автора, что не всегда все предметы иноземного происхождения или нетипичные для местных жителей конструктивные решения в строительстве жилищных и хозяйских сооружений следует рассматривать как достаточное доказательство их принадлежности иностранцам (Терський 2014: 149-150). В них можно увидеть проявление вкусов местного населения. Не менее этому благоприятствовало, как упоминалось выше, желание туземных мастеров овладеть искусством изготовления чужеземных ремесленных изделий, в том числе, предметов роскоши, востребованных в среде богатых горожан, боярства и княжеских семей.

Преимуществом работы следует считать и то, что ее автор обратился к комплексному использованию археологических и письменных источников при освещении деятельности представителей разных социальных групп населения. Здесь стоит упомянуть о его видении местных корней демократического социального устройства в землях Юго-Западной Руси, прежде всего галицко-волинских, что подтверждают данные летописей. Поэтому привнесение немецкого (магдебургского) права, как резонно указывает ученый, не следует рассматривать исключительно в контексте немецкого колониационного про-

цесса в Польше и Галицко-Волынском государстве. Почва для его утверждения была подготовлена всем предыдущим социально-политическим, экономическим и культурным развитием галицко-волынских земель. Благоприятные политико-правовые условия, имеющие место в них, были лишь дополнительным фактором, привлекающим экономически активных представителей из стран Центральной Европы (Герський 2014: 151, 161-162).

В рассматриваемом труде приводятся конкретные примеры, как можно использовать достижения археологии для анализа процесса формирования определенных социальных сословий, прежде всего мещанства и боярства. Относительно Волыни, то происхождение ее боярства генетически увязывается с дружинниками великого князя киевского, которые в XI-XII вв. принимали активное участие в колонизации ее территорий. Боярство занимало весомые позиции в жизни городов Волыни XII-XIV ст., в подтверждение чего (Герський 2014: 151-161) приводятся как археологические, эпиграфические, так и письменные источники (летописи, актовый материал). Одновременно создается впечатление, что в работе внимание в основном уделяется характеристике жизни и деятельности социальных сословий Волынской земли. Почему-то вниманием по неизвестным причинам обойден вопрос о статусе и особенностях социальных групп и сословий Галицкой Руси и отражения данного аспекта в археологических источниках.

Пример истории Галицкой и Волынской Руси, утерянные страницы которых в прямом понимании слова реконструирует археологическая наука, показывает значимость их собственного социально-политического развития, которое налагает отпечаток на все сферы жизнедеятельности общества, его менталитет. На этих территориях имел место процесс творческого усвоения и переосмысления собственного и чужого опыта, что и обеспечивало самобытность, оригинальность национального и государственного развития. В тоже время новые ежегодные археологические открытия вызывают интерес к достижениям украинской археологии, ее техническому и методологическому переоснащению в соответствии с совре-

менными мировыми стандартами, а также побуждают к осмыслению необходимости защиты памятников далекого прошлого от варварского разрушения.

А. Д. Копытко

Автор: Копытко Андрей Дмитриевич, кандидат исторических наук, Львовский национальный аграрный университет (ул. Владимира Великого 1, г. Дубляны, Львовская область, 80381, Украина). rectorat@lnau.lviv.ua

Резюме: В рецензии рассматривается книга Святослава Терского, посвященная археологии Галицко-Волынской Руси X-XIV вв. На основе огромного фактического материала изучена материальная культура древнерусского общества периода существования Галицко-Волынского государства, дана целостная картина его генезиса и развития.

Ключевые слова: археология, археологические памятники, Галицко-Волынская Русь.

Литература, использованная в статье

Терський 2014 – *Терський С.* Археологія доби Галицько-Волинської держави. Київ: Стародавній світ, 2014. 172 с.

Information about the article

Author: Kopytko Andrey Dmitrievich – Ph.D in History, Lviv National Agrarian University (1, Volodymyra Velykogo st., Dubliany, Lviv region, 80381, Ukraine). rectorat@lnau.lviv.ua

Title: Galicia-Volyn principality in the light of recent archaeological research: [Review of the book:] Ters'kyj S. Arheologija doby Galyc'ko-Volyns'koi' derzhavy. Kyev: Starodavnij svit, 2014. 172 s. (Ters'kyj S. Archeology of Galicia-Volyn state. Kiev, Starodavnij svit Publ., 2014. 172 p.).

Summary: This review examines the scientific study of Svyatoslav Terskiy, dedicated to the archeology of Galicia-Volyn Rus of the X-XIV centuries. On the basis of the vast factual evidence studied material culture of Old Russian societies of the period of the Galicia-Volyn state. One can find in the book a holistic picture of the genesis and development of Galicia-Volyn state.

Key words: archeology, archaeological sites, Galicia-Volyn Rus.

References (transliteration)

Ters'kyj S. *Archeology of Galicia-Volyn state* [Arheologija doby Galyc'ko-Volyns'koi' derzhavy]. Kiev, Starodavnij svit Publ., 2014. 172 p. (In Russian).